

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Пантелеева С.Е.

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108
E-mail: spanteleyeva@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АБАШЕВСКОЙ КЕРАМИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Представлены результаты обобщения и систематизации данных о бытовой керамике абашевского типа. Рассмотрены опубликованные сведения по коллекциям 33 поселений от Подонья до Зауралья. В результате анализа орнаментальных и морфологических характеристик выделено семь территориальных групп, которые можно объединить в четыре крупные стилистические зоны. Ареалы зон, по-видимому, соответствуют районам проживания основных локальных групп абашевского населения.

Ключевые слова: эпоха бронзы, абашевская культурно-историческая общность, поселения, керамика.

Введение

Яркий, своеобразный облик абашевской керамики привлекает внимание специалистов со времени первых раскопок курганных могильников на территории Среднего Поволжья. Практически полное отсутствие поселений в районе первоначальных работ, по-видимому, отчасти повлияло на ситуацию, сложившуюся в изучении керамических комплексов,— фокус исследований оказался смещен на погребальную посуду. Данная категория находок была подробно проанализирована в ряде публикаций [Евтюхова, 1964; Кузьмина, 1992, 1999; Мочалов, 2008; Пряхин, 1977; Пряхин и др., 2001], в которых рассмотрены морфологические и орнаментальные характеристики изделий, а также проведено сравнение коллекций разных районов абашевской культурно-исторической общности.

Работы, специально посвященные керамике поселений, практически отсутствуют. Как правило, описания бытовой посуды даются только в контексте публикаций памятников, зачастую они очень кратки и не всегда качественно проиллюстрированы. Единственное сопоставление коллекций в масштабах всей абашевской КИО было предпринято А.Д. Пряхиным [1976, с. 107–108]. Автор определил общие и особенные характеристики керамики двух больших районов (доно-волжского и уральского) и заключил, что посуда уральских поселений выглядит более изящной. В свою очередь, в результате изучения материалов поселений Волго-Уральского междуречья были сделаны выводы о наличии локальных различий между комплексами как в Заповжье [Кузьмина, 2000], так и на Южном Урале [Сальников, 1967].

В целом, все исследователи отмечают, что бытовая посуда отличается от погребальной типологически, а также обладает большими размерами, менее тщательно изготовлена и проще орнаментирована. Подобная ситуация является обычной для большинства археологических культур, поскольку ритуальная посуда зачастую специально производилась для помещения в погребальные камеры либо намеренно отбиралась согласно определенным стандартам.

В последние десятилетия продолжилось постепенное накопление новых материалов, что позволяет вернуться к обсуждению комплексов бытовой посуды и обобщить имеющиеся данные. Значительная стилистическая вариативность абашевской керамики обусловила задачи исследования: выявить общие и локальные характеристики изделий, уточнить границы локальных вариантов.

Используемый в работе термин «стиль» не нов, начиная с 60-х годов XX в. он широко применяется в археологических исследованиях, направленных на поиск объяснений вариативности материальной культуры. Несмотря на то что до сих пор не существует единой дефиниции стиля, большинство определений подчеркивают его роль в общении и передаче информации между людьми [Pavlu, 1997, p. 120–121; Plog, 1980, p. 115–121; Rice, 2005, p. 244–245; Wobst, 1977, p. 319; etc.]. Одна из наиболее известных дефиниций сформулирована П. Вейснер: «Стиль — это форма невербальной коммуникации, осуществляемая через выполнение каких-либо действий определенным образом, что передает информацию о соответствующей идентичности»

[Weissner, 1990, p. 107]. Хотя археологи, употребляя термин «стиль», зачастую в первую очередь подразумевают «орнаментальный стиль», это понятие также включает в себя всю совокупность формальных и технологических характеристик артефактов. Изучение механизмов социальной передачи культурной информации (культурной трансмиссии) является одним из центральных компонентов эволюционного подхода в археологии, сложившегося в конце XX в. [Корякова, Молодин, 2012].

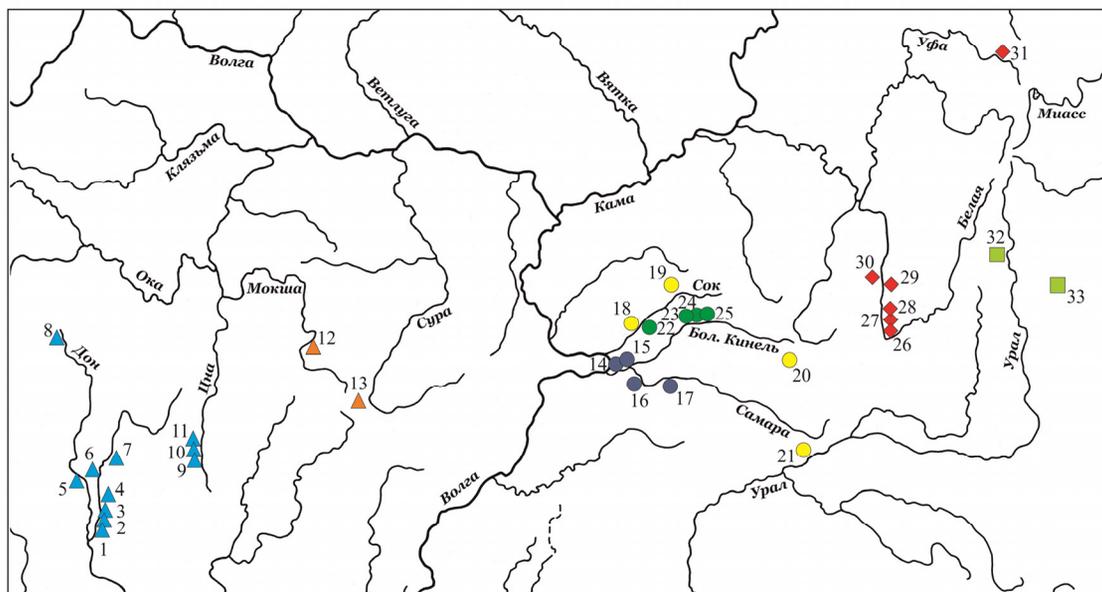
Для настоящего исследования были привлечены опубликованные сведения по коллекциям 33 поселений, расположенных в разных частях обширного ареала абашевской КИО — от Подонья до Зауралья. Здесь необходимо отметить, что культурная принадлежность доно-волжских памятников является предметом жарких дискуссий в связи с проблемой выделения и осмысления памятников покровского типа. Одни исследователи рассматривают покровские памятники как промежуточное звено между доно-волжской абашевской и срубной культурами (А.Д. Пряхин, В.И. Беседин, А.С. Саврасов, А.А. Припадчев и др.); другие — подразделяют доно-волжскую абашевскую культуру на донскую абашевскую и более позднюю покровскую абашевскую (А.Т. Синюк); третьи — обосновывают самостоятельность покровской культуры, не являющейся частью доно-волжской абашевской или ранней срубной культур (Н.М. Малов, О.В. Кузьмина и др.). Историография этой сложной проблемы обширна и подробно рассмотрена в ряде публикаций [Лопатин, 2013; Малов, 2007; Пряхин, 2011; и др.]. Размытость и нечеткость критериев для выделения покровских памятников привела к тому, что одни и те же памятники рассматриваются разными авторами и как доно-волжские абашевские, и как покровские. По мнению В.А. Лопатина, «решение “покровского вопроса” содержится в анализе всего объема данных, полученных на широкой территории от Дона до Урала, результат которого доказательно отчленит “покровск” от позднего доно-волжского “абашево” и продемонстрирует его культурную целостность» [2013, с. 107–108].

Таким образом, представленное исследование в определенной степени имеет историографический характер; при систематизации информации я следовала за авторами, которые идентифицировали проанализированные ими комплексы керамики как абашевские. При сопоставлении керамических коллекций рассматривался следующий набор признаков: примеси к формовочной массе, способы обработки поверхности, формы сосудов, основные элементы орнамента и техника их нанесения, ведущие орнаментальные композиции. Поскольку имеющаяся информация качественно неравноценна и количественные показатели в большинстве случаев авторами не приведены, в работе преимущественно учитывались только факты отсутствия либо наличия признаков, а также степень их проявления (редко или часто).

Результаты анализа

В результате анализа керамические коллекции абашевских поселений были распределены на семь групп. Критериями для разделения комплексов послужили специфические комбинации орнаментальных, морфологических и технологических характеристик, выявленные в процессе изучения опубликованных материалов. Таким образом, в одну группу помещались коллекции, обладающие одинаковым или очень близким по составу набором признаков.

Группа 1 (рис. 1, 2) — наиболее многочисленная — включает коллекции 11 поселений, расположенных в западной части абашевского ареала по берегам рек Дон, Воронеж и Цна: Шилловское 1 и 2, Левобережное, Северо-Восточное, Сокольское, Балахнинское, Курино 1, Мельгуново-3, Перикса, Красное Озеро, Шлихтинское Озеро [Екимов, 2003; Ивашов, Мельников, 2004; Попова, 1961; Пряхин, 1976; Синюк, Бессуднов, 1996]. Посуда данных памятников обладает следующими характеристиками. В качестве основной примеси к формовочной массе отмечена дробленая раковина. Но в тех случаях, когда был проведен технологический анализ (Балахнинское, Мельгуново-3), также выявлено значительное количество рецептов с шамотом, органикой, дресвой и песком. Поверхность сосудов часто покрыта расчесами, иногда встречается лощение. Днища изделий характеризуются как плоские с плавным переходом, уплощенные и округлые. Ведущие формы сосудов — плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой и банки. Шейки зачастую имеют вогнутость с внутренней стороны. Значительная часть горшков имеют колоколовидную форму (т.е. диаметр сосуда по венчику превышает диаметр по тулову). Очень редки в коллекциях чаши и маленькие остросереберные сосудики. Единственным исключением является выборка поселения Балахнинское, где отмечен относительно высокий процент остросереберных сосудиков.

▲ - группа 1; ▲ - группа 2; ● - группа 3; ● - группа 4; ● - группа 5; ◆ - группа 6; ■ - группа 7

Рис. 1. Карта-схема распространения поселений с керамикой абашевского типа:

- 1 — Левобережное; 2 — Шиловское 2; 3 — Шиловское 1; 4 — Северо-Восточное; 5 — Балахнинское; 6 — Курино 1; 7 — Сокольское; 8 — Мельгуново-3; 9 — Шлихтинское Озеро; 10 — Перикса; 11 — Красное Озеро; 12 — Красный Восток; 13 — Барковское; 14 — Кирпичные Сараи; 15 — Грачев Сад; 16 — Бариновка; 17 — Максимовское; 18 — Красный Городок; 19 — Суруш; 20 — Ивановское; 21 — Родниковое; 22 — Лебяжинка V; 23 — Глубокое Озеро; 24 — Точка; 25 — Красные Пески; 26 — Тюбяк; 27 — Береговское I; 28 — Береговское II; 29 — Урняк; 30 — Баланбаш; 31 — Серный Ключ; 32 — Мало-Кизильское; 33 — Коноплянка 2.

Fig. 1. Schematic map of distribution of the settlements with ceramics of the Abashevo type:

- 1 — Levoberezhnoye; 2 — Shilovskoye 2; 3 — Shilovskoye 1; 4 — Severo-Vostochnoye; 5 — Balakhninskoye; 6 — Kurino 1; 7 — Sokol'skoye; 8 — Mel'gunovo-3; 9 — Shlihtinskoye Ozero; 10 — Periksa; 11 — Krasnoye Ozero; 12 — Krasnyi Vostok; 13 — Barkovskoye; 14 — Kirpichnye Sarai; 15 — Grachyov Sad; 16 — Barinovka; 17 — Maksimovskoye; 18 — Krasnyi Gorodok; 19 — Surush; 20 — Ivanovskoye; 21 — Rodnikovoye; 22 — Lebyazhinka V; 23 — Glubokoye Ozero; 24 — Tochka; 25 — Krasnye Peski; 26 — Tyubyak; 27 — Beregovskoye I; 28 — Beregovskoye II; 29 — Urnyak; 30 — Balanbash; 31 — Serny Klyuch; 32 — Malo-Kizil'skoye; 33 — Konoplyanka 2.

Основной орнаментальной композицией являются многократные горизонтальные прочерченные линии в верхней части сосудов, которые часто ограничены сверху и/или снизу горизонтальными поясками наклонных оттисков гладкого или крупногребенчатого штампов. Только в коллекции самого северного поселения — Мельгуново-3 наряду с прочерченными линиями иногда отмечены горизонтальные каннелюры. Прочие элементы орнамента (валики, зигзаги, волна, геометрические узоры) зафиксированы в единичных случаях. Сложные орнаментальные композиции не характерны. В некоторых случаях шейка горшков была украшена изнутри горизонтальными прочерченными линиями, реже — желобками.

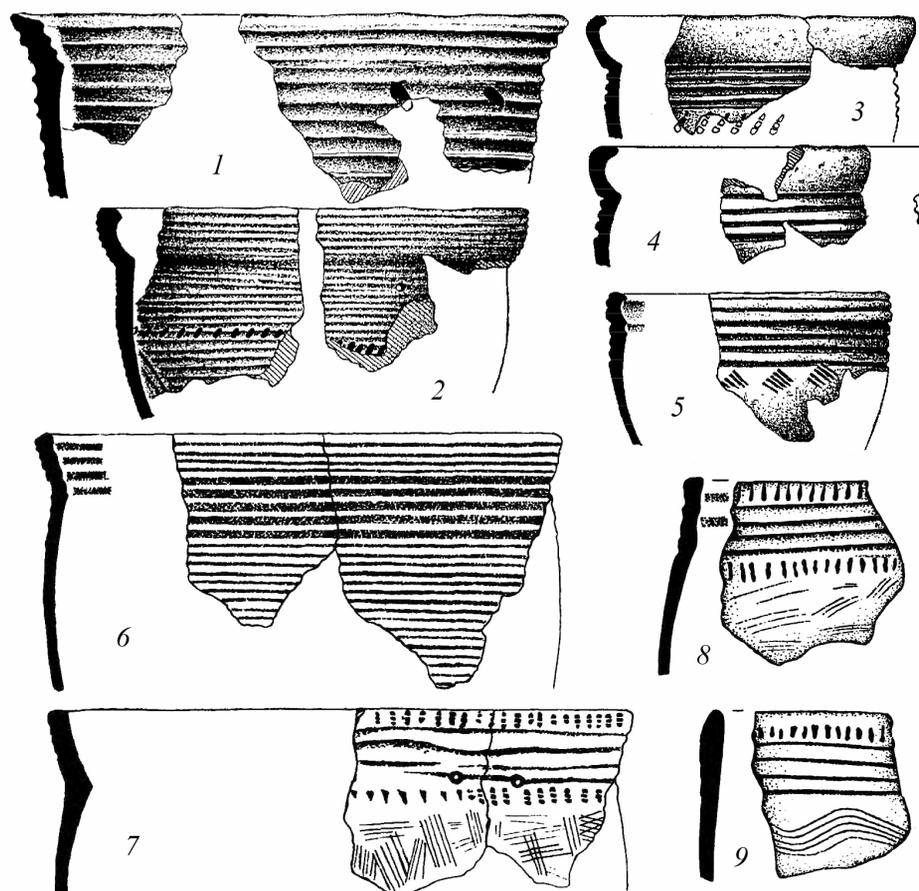
К группе 2 (рис. 1, 2) отнесены коллекции двух поселений, расположенных в юго-западной части Среднего Поволжья по берегам рек Мокша и Сура, — Красный Восток и Барковское [Пряхин, 1975, 1976]. Керамика с этих памятников очень близка к посуде предыдущей группы, особенно коллекция Барковского поселения, которая отличается только появлением узоров, выполненных мелкозубчатым гребенчатым штампом. Более ощутимые различия проявляются в орнаментации сосудов поселения Красный Восток, где многократные горизонтальные прочерченные линии часто дополнены горизонтальными зигзагами. Здесь также отмечено появление мелкозубчатого штампа — в частности, им выполнен орнамент на чашах, состоящий из многорядных зигзагов и ромбов, разделенных горизонтальными линиями.

Группа 3 (рис. 1, 3) — керамика четырех поселений, расположенных на территории Самарского Заволжья в бассейне р. Самара: Максимовское, Грачев Сад, Кирпичные Сараи, Бариновка [Кузьмина, 2000; Мочалов, 2003]. Посуда плоскодонная, сделана из глины с примесью раковины, подразделяется на плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (в том числе колоколовидные), банки, а также горшки с уступом в верхней трети тулова. Преоб-

Стилистическая вариативность абашевской керамики: к постановке проблемы

ладает орнаментация широкими каннелюрами, встречаются одинарный зигзаг и горизонтальные ряды наклонных линий. Отмечено использование мелкозубчатого штампа.

Группа 1

Группа 2

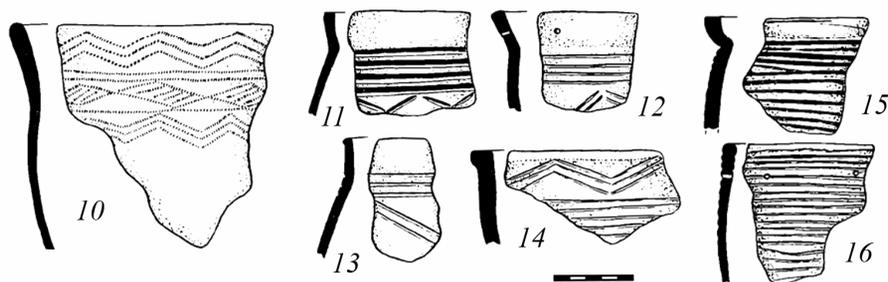

Рис. 2. Керамика абашевского типа с доно-волжских поселений (группы 1 и 2):

1–5 — Мельгуново-3 [Екимов, 2003, рис. 1, 2]; 6, 7 — Левобережное [Пряхин, 1976, рис. 11]; 8, 9 — Перикса [Пряхин, 1976, рис. 14]; 10–14 — Красный Восток [Пряхин, 1975, рис. 1]; 15, 16 — Барковское [Пряхин, 1975, рис. 3].

Fig. 2. Ceramics of the Abashevo type from the Don-Volga settlements (groups 1 and 2):

1–5 — Mel'gunovo-3 [Ekimov, 2003, fig. 1, 2]; 6, 7 — Levoberezhnoe [Pryakhin, 1976, fig. 11]; 8, 9 — Periksa [Pryakhin, 1976, fig. 14]; 10–14 — Krasnyi Vostok [Pryakhin, 1975, fig. 1]; 15, 16 — Barkovskoe [Pryakhin, 1975, fig. 3].

В группу 4 (рис. 1, 3) вошли коллекции четырех поселений, рассеянных по довольно большой территории. Они расположены в Самарском Заволжье по берегам р. Сок, а также в западной части Оренбургской области по рекам Ток и Урал: Суруш, Красный Городок, Ивановское и Родниковое [Кужьмина, 2000; Купцова, Файзуллин, 2012; Моргунова, Порохова, 1989; Пряхин,

1976]. Керамика плоскодонная, с примесью раковины, поверхность сосудов хорошо обработана и не имеет расчесов. Ведущие формы сосудов — плавнoproфилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (в том числе колоколовидные) и банки. По сравнению с коллекциями западных памятников шейки горшков более короткие и довольно редко имеют вогнутость с внутренней стороны. Некоторые шейки изнутри украшены желобками. Очень редко в коллекциях встречаются колоколовидные чаши и острореберные сосудики. Сосуды преимущественно орнаментированы каннелюрами различной ширины, реже — горизонтальными прочерчиваниями. Характерной чертой данной посуды является наличие насечек и разнообразных вдавлений, нанесенных непосредственно по каннелюрам, иногда — в шахматном порядке. Довольно часто отмечается одинарный или двойной горизонтальный зигзаг, реже — одинарная волна; как правило, они расположены под венчиком сосудов над поясом каннелюр. Геометрические орнаменты очень редки. Гребенчатые узоры выполнены мелкозубчатым штампом. В орнаментации банок иногда используются валики.

Группа 5 (рис. 1, 3) включает коллекции четырех поселений, расположенных в Самарском Заволжье по берегам рек Сок и Большой Кинель: Лебяжинка V, Точка, Красные Пески, Глубокое Озеро [Кузьмина, 2000; Кузьмина и др., 2017; Пряхин, 1976]. Посуда с этих памятников по всем признакам очень близка к керамике предыдущей группы, ее отличие заключается в более активном использовании геометрического орнамента и появлении таких элементов декора, как лесенка и меандр. Чаще используются волна и зигзаг (в том числе многорядные). Волна расположена под венчиком сосудов над поясом каннелюр либо подчеркивает каннелюры снизу. В коллекции поселения Лебяжинка V есть изделия, украшенные исключительно с помощью гребенчатого штампа.

В группу 6 (рис. 1, 4) объединены коллекции пяти поселений, расположенных в Южной Башкирии по берегам р. Белой: Урняк, Баланбаш, Береговское I и II, Тюбьяк [Горбунов, 1986; Кузьмина, 2011; Обыденнов и др., 2001; Пряхин, 1976; Сальников, 1954, 1957, 1967], а также керамика с абашевской стоянки на городище Серный Ключ в горно-лесной зоне Среднего Урала на берегу р. Уфа [Борзунов и др., 2020]. Сосуды преимущественно изготовлены с примесью дробленой раковины, реже встречаются органика, шамот, в единичных случаях — тальк. Поверхность изделий тщательно сглажена, иногда залощена. Днища плоские с плавным переходом к стенкам. Доминирующей формой посуды являются плавнoproфилированные горшки (в том числе колоколовидные) с короткой резко отогнутой шейкой без вогнутости изнутри. Банки в изобилии встречены в материалах обоих Береговских поселений, а на остальных памятниках они малочисленны. Ярким отличием является высокий процент колоколовидных чаш. Иногда встречаются маленькие острореберные сосудики. Появляются горшки со слабо выраженной шейкой (она чуть отогнута или расположена вертикально, без внутреннего ребра). Эти изделия особенно многочисленны в коллекции поселения Тюбьяк, на других памятниках они встречаются в небольшом количестве.

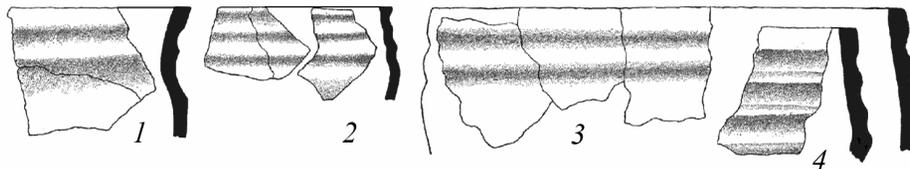
Часть орнаментов близка к орнаментации предыдущей группы — это горизонтальные прочерчивания или тонкие каннелюры, обрамленные сверху и снизу рядами прямых или наклонных линий, волной, зигзагами, а также геометрическим узором, вдавлениями, валиками и т.д. Отличия заключаются в сужении пояса прочерчиваний или каннелюр, в отсутствии широких каннелюр, более значительном ассортименте дополнительных узоров. Многочисленны композиции, состоящие из многорядной волны с добавлением других элементов. Иногда украшена внутренняя поверхность шейки — горизонтальными линиями и зигзагами. Основу орнаментации горшков со слабой профилировкой шейки составляют многорядные зигзаги и горизонтальные линии, нанесенные прочерчиванием или мелкозубым гребенчатым штампом. Наиболее сложные композиции зафиксированы на колоколовидных чашах. При украшении этих изделий часто использовались такие редкие элементы, как лесенки, меандры, сечковидные фигуры.

К группе 7 (рис. 1, 4) отнесены коллекции двух поселений, расположенных на территории Зауралья: Мало-Кизильское в верхнем течении р. Урал и Коноплянка 2 на р. Акмулла [Епимахов, Епимахова, 2006; Корякова и др., 2020; Пряхин, 1976; Сальников, 1954, 1967]. Керамика преимущественно изготовлена из глины с примесью талька. В редких случаях в формовочную массу добавлялись раковина, шамот и кварцевая дресва. Поверхности сосудов заглаживались, реже — подвергались лощению. Днища плоские с плавным переходом к стенкам, округлые единичны. Основные формы представлены горшками со слабо выраженной шейкой, плавнoproфилированными горшками с короткой резко отогнутой шейкой и банками. В коллекции Мало-Кизильского селища выявлены колоколовидные чаши и маленькие острореберные сосудики. Композиции в основном представлены сочетанием горизонтальных линий с одинарными и многорядными зигзагами. Большинство элементов нанесено гребенчатым штампом с крупными или

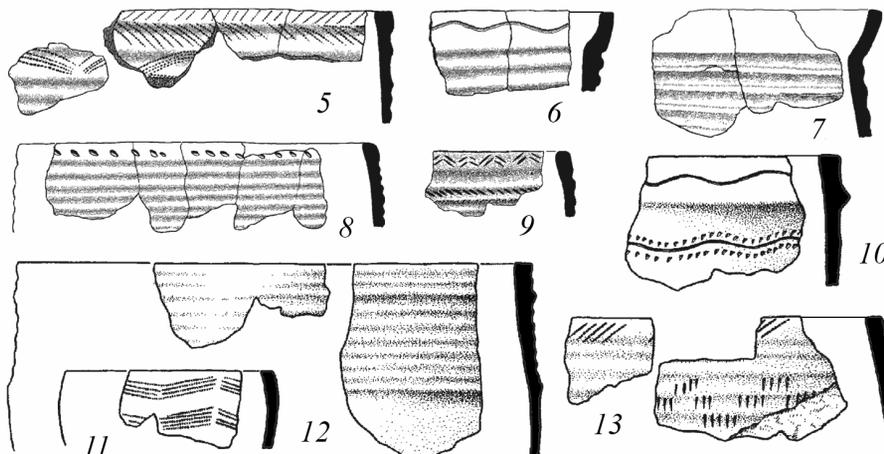
Стилистическая вариативность абашевской керамики: к постановке проблемы

средними зубцами, реже — прочерчиванием. Орнамент иногда дополнялся рядами вертикальных или наклонных вдавлений гребенчатого или гладкого штампов, обрамляющих основной узор сверху и/или снизу. В редких случаях орнаментирована внутренняя поверхность шейки. Малочисленны геометрические фигуры и криволинейный орнамент.

Группа 3

Группа 4

Группа 5

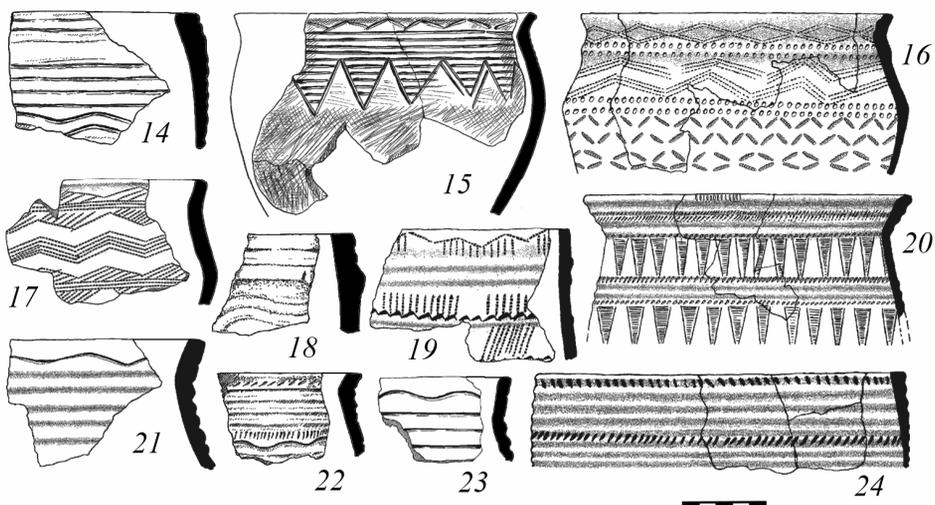
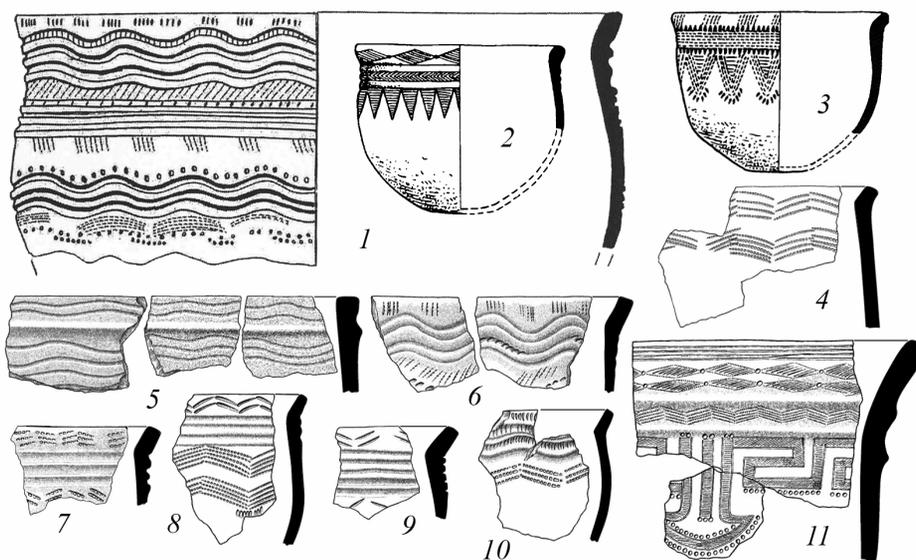

Рис. 3. Керамика абашевского типа с заволжских поселений (группы 3, 4 и 5):
 1–4 — Максимовское [Кузьмина, 2000, рис. 4]; 5–9 — Суруш [Кузьмина, 2000, рис. 5]; 10–13 — Красный Городок [Кузьмина, 2000, рис. 11]; 14, 15, 17, 18, 22, 23 — Лебяжинка V [Кузьмина, 2000, рис. 12; Кузьмина и др., 2017, рис. 25, 26];
 16, 20, 24 — Точка [Кузьмина, 2000, рис. 6, 7]; 19, 21 — Красные Пески [Кузьмина, 2000, рис. 8, 9].
Fig. 3. Ceramics of the Abashevo type from the Trans-Volga settlements (groups 3, 4 and 5):
 1–4 — Maksimovskoe [Kuz'mina, 2000, fig. 4]; 5–9 — Surush [Kuz'mina, 2000, fig. 5]; 10–13 — Krasnyi Gorodok [Kuz'mina, 2000, fig. 11]; 14, 15, 17, 18, 22, 23 — Lebyazhinka V [Kuz'mina, 2000, fig. 12; Kuz'mina et al., 2017, fig. 25, 26];
 16, 20, 24 — Tochka [Kuz'mina, 2000, fig. 6, 7]; 19, 21 — Krasnye Peski [Kuz'mina, 2000, fig. 8, 9].

Группа 6

Группа 7

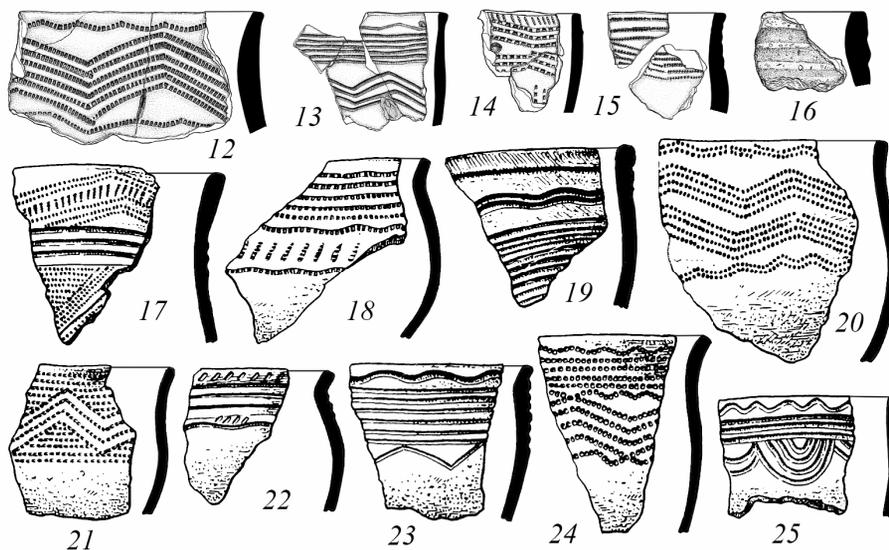

Рис. 4. Керамика абашевского типа с приуральских и зауральских поселений (группы 6 и 7): 1 — Тюбяк [Обыденнов и др., 2001, рис. 38]; 2, 3 — Урняк [Сальников, 1967, рис. 11]; 4–11 — Баланбаш [Кузьмина, 2011, рис. 11, 16, 18, 19, 21]; 12–16 — Коноплянка 2 [Корякова и др., 2020, рис. 7]; 17–25 — Мало-Кизильское [Сальников, 1967, рис. 12].

Fig. 4. Ceramics of the Abashevo type from the Cis-Ural and Trans-Ural settlements (groups 6 and 7): 1 — Tyubyak [Obydennov et al., 2001, fig. 38]; 2, 3 — Urnyak [Sal'nikov, 1967, fig. 11]; 4–11 — Balanbash [Kuz'mina, 2011, fig. 11, 16, 18, 19, 21]; 12–16 — Konoplyanka 2 [Koryakova et al., 2020, fig. 7]; 17–25 — Malo-Kizil'skoe [Sal'nikov, 1967, fig. 12].

Обсуждение результатов

Проанализированные комплексы бытовой посуды, несомненно, можно рассматривать в рамках единого культурного пространства. Общность черт проявляется в технологии производства, формах и орнаментах изделий. Так, основной примесью к формовочной массе (за исключением зауральской серии) служила дробленая раковина. Ведущие формы посуды представлены плавнoproфилированными горшками с короткой резко отогнутой шейкой и банками. Часть горшков имеют признаки колоколовидности (диаметр по венчику превышает диаметр по тулову). Стабильно отмечается в выборках небольшое присутствие колоколовидных чаш и малень-

ких острореберных сосудиков, более характерных для коллекций погребальных памятников. В орнаментальных композициях преобладают многократные горизонтальные линии, часто дополненные рядами прямых или наклонных оттисков. Широко распространены такие элементы декора, как горизонтальные зигзаги, волнистые линии, заштрихованные треугольники и ромбы.

Между тем керамика разных районов абашевской КИО довольно существенно различается. Эти различия не являются резкими — в широтном направлении признаки появляются, изменяются и исчезают постепенно. Таким образом, керамика соседних групп имеет значительное сходство. И соответственно наибольшие различия демонстрируют коллекции памятников, географически наиболее удаленных друг от друга. Так, с запада на восток на поверхностях сосудов все реже фиксируются расчесы. Шейки горшков постепенно лишаются вогнутости и становятся все короче, в конце концов утрачивая свой резкий отгиб и внутреннее ребро. Наряду с многократными прочерчиваниями начинают использоваться каннелюры (нанесенные более широким инструментом с последующим заглаживанием), а затем — горизонтальные оттиски гребенчатого штампа. Возрастает частота встречаемости зигзагов и волнистых линий, они становятся многорядными и из вспомогательного узора превращаются в основной. Увеличивается роль геометрических орнаментов. Изменяется размер гребенчатого штампа.

Некоторые вариации наблюдаются и между коллекциями памятников, помещенных в одну группу. Основываясь на предполагаемой логике развития орнамента, исследователи считают эти различия хронологическими. Как правило, мнения авторов о хронологической последовательности отдельных памятников согласуются с поддерживаемой ими гипотезой о развитии абашевской КИО в целом. В качестве исходной территории, с которой происходило распространение культуры, рассматриваются: 1) лесостепное Подонье и смежные южные районы Среднего Поволжья; 2) Среднее Поволжье; 3) территория Южного Урала (см. подробнее: [Пряхин, Халиков, 1987, с. 129–130]). Кроме того, выдвинута гипотеза об одновременном формировании культуры на всей территории лесостепи Восточной Европы и Южного Урала [Васильев, Матвеева, 1986, с. 70]. Проблема хронологического соотношения основных районов абашевской КИО до недавнего времени сильно осложнялась практически полным отсутствием радиоуглеродных дат. Последние разработки в данной области позволили исследователям сделать вывод о хронологическом приоритете средневожских погребальных памятников (XXII–XX вв. до н.э.) над доно-вожскими и приуральскими (XXII–XVIII вв. до н.э.) [Епимахов, 2020; Кузьминых, Мимоход, 2016]. Однако с этим заключением не согласуются ранние даты кургана 2 Липецкого могильника (XXII–XXI вв. до н.э.) [Шишлина, Фернандес, 2016]. Впрочем, авторы монографии сами отмечают, что эти данные противоречивы и требуют дальнейшей проверки. Что касается датирования абашевских объектов на поселениях (как правило, многослойных), то серия радиоуглеродных дат получена только для поселения Коноплянка 2 в Южном Зауралье (XXI–XIX вв. до н.э.) [Корякова и др., 2020]. Таким образом, можно констатировать, что вопросы хронологического соотношения отдельных микрорайонов и памятников внутри них далеки от решения и вряд ли будут решены до осуществления программы массового радиоуглеродного датирования.

Тем не менее в результате рассмотрения данных о керамических коллекциях некоторые выводы могут быть сделаны. Прежде всего, на основании близости орнаментальных и морфологических характеристик выделенные группы посуды можно объединить в четыре крупные стилистические зоны — доно-вожскую, заволжскую, приуральскую и зауральскую (соответственно группы 1–2, 3–5, 6 и 7). Ареалы зон, по-видимому, соответствуют территориям основных локальных групп абашевского населения. Группы посуды, попадающие в одну стилистическую зону (1–2 и 3–5), могут маркировать районы проживания отдельных сообществ в рамках локальных вариантов. Впрочем, нельзя исключать и возможные хронологические различия.

На фоне керамики разных микрорайонов абашевской КИО посуда приуральских памятников демонстрирует наиболее яркие и выразительные черты: орнаментальные схемы сложнее и разнообразнее, одновременно используется большое число элементов и технических приемов, узоры нанесены с особой тщательностью. Кроме того, в коллекциях отмечено повышенное присутствие ритуальных сосудов — колоколовидных чаш и маленьких острореберных сосудиков.

В поисках объяснения такой ситуации целесообразно обратиться к теоретическим разработкам в области культурной изменчивости, в частности к теории информационного обмена Х.М. Вобста. Согласно концепции автора, стиль трактуется как часть формальной вариативности материальной культуры, которая связана с участием артефактов в процессе информационного обмена [Wobst, 1977, p. 319]. Стили передают «неизменные и повторяющиеся» сообщения

о принадлежности индивидов к определенной группе. При этом подчеркивается, что полезность стилистических сообщений возрастает с увеличением социальной дистанции между отправителем и получателем. Когда размер социальных сетей, в которых задействованы люди, расширяется, «стилистическое поведение» интенсифицируется из-за повышения количества контактов с социально отдаленными индивидами. В пределах маленькой социальной сети «стилистическое поведение» развивается слабо [Ibid., p. 323–326].

Таким образом, можно предположить, что обитатели приуральских поселений были вовлечены в активные взаимодействия с населением других районов. С одной стороны, это повлекло за собой необходимость демонстрации групповой идентичности, что отразилось на появлении изделий, выполненных в особом, характерном только для этой группы, стиле. С другой стороны, постоянные внешние связи инициировали диффузию чужих стилистических особенностей, что привело к усилению внутренней вариативности керамического комплекса. Основной причиной интенсификации культурных контактов, вероятно, была специализация приуральских коллективов на металлопроизводственной деятельности, следы которой фиксируются на всех поселениях. По мнению исследователей, создание самостоятельной производственной и технологической базы по добыче руды, плавке и обработке металла определило особое место приуральской группы в системе абашевской культурно-исторической общности [Горбунов, 2008; Сальников, 1967; Черных, 1970] и сформировало предпосылки для взлета социальной комплексности [Епимахов, Епимахова, 2006, с. 59–60]. Примечательно, что находки ритуальной посуды зачастую связаны именно с производственным контекстом [Борзунов и др., 2020; Кузьмина, 2011].

По сравнению с приуральскими коллекциями керамика доно-волжских поселений кажется очень единообразной. Орнаменты просты, однотипны и небрежно нанесены. Можно предположить высокую степень внутренней интеграции обитавшего здесь населения и, как следствие, отсутствие необходимости маркировать социальные границы между отдельными группами. Внешние контакты, по-видимому, были слабы либо нерегулярны и не привели к существенным изменениям в структуре общества и диффузии новых стилистических элементов. Небольшие проявления вариативности обнаруживаются лишь на восточном фланге этой обширной территории.

Керамика зауральской группы выглядит несколько обособленно. Хотя часть изделий сохраняет специфические черты, характерные для абашевской гончарной традиции западных районов, значительное место в коллекциях занимают сосуды нового типа — слабопрофилированные горшки, орнаментированные гребенчатым штампом с крупными или средними зубцами. Резко отличается и состав формовочной массы, где в качестве основной примеси использована тальковая дресва. Небольшое количество слабопрофилированных горшков выявлено в коллекциях приуральской группы, что может быть интерпретировано как свидетельство контактов либо как источник формирования нового стиля. Можно предположить, что зауральские поселения оставлены группой людей, отделившейся от основного абашевского массива и продвинувшейся за Уральский хребет в поисках источников качественного рудного сырья. Радиоуглеродные даты, полученные для абашевской постройки поселения Коноплянка 2 (XXI–XIX вв. до н.э.), позволяют рассматривать зауральские памятники как наиболее поздние и синхронизирующиеся с синташтинскими древностями [Корякова и др., 2020].

Естественно, предложенная схема не отражает всей сложности социокультурных взаимодействий многочисленных групп населения, обитавших на огромных пространствах от Подонья до Зауралья, и не учитывает возможных хронологических различий, а лишь намечает канву для поиска объяснительных моделей стилистической вариативности абашевской керамики.

Заключение

Несмотря на длительную историю изучения абашевской КИО многие вопросы по-прежнему остаются открытыми, в частности — внутренняя структура общности, хронологическое соотношение отдельных микрорайонов, степень и характер взаимодействий между синхронными группами и т.д. Как уже отмечалось, работа в данном направлении требует существенного расширения базы радиоуглеродных дат и получения серий, пригодных для сопоставления [Епимахов, 2020]. Большим потенциалом для решения обозначенных задач обладают и комплексы бытовой посуды, которые зачастую используются только для определения культурной принадлежности памятников. Общеизвестно, что стилистические вариации керамики являются чутким индикатором групповых социальных границ, контактов, перемещений и культурно-генетических процессов в целом.

В результате проведенного исследования керамические коллекции абашевских поселений были распределены на семь групп, которые на основании близости орнаментальных и морфо-

Стилистическая вариативность абашевской керамики: к постановке проблемы

логических характеристик можно объединить в четыре крупные стилистические зоны: доно-волжскую, заволжскую, приуральскую и зауральскую. Ареалы зон, по-видимому, соответствуют районам проживания основных локальных групп абашевского населения. Сделан вывод, что обитатели приуральских поселений, обладавшие наиболее разнообразным и выразительным керамическим комплексом, были вовлечены в активные взаимодействия с населением других районов. Единообразию и простоте керамики доно-волжской группы позволяют допустить высокую степень внутренней интеграции местных сообществ, отсутствие регулярных и интенсивных внешних контактов. Обособленный характер зауральских коллекций может свидетельствовать о том, что данная локальная группа была оторвана от основного абашевского массива и утратила с ним тесную связь.

В заключение хотелось бы подчеркнуть необходимость введения в научный оборот результатов обработки керамических коллекций абашевских поселений и проведения на их основе полноценных сравнительных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борзунов В.А., Стефанов В.И., Бельтикова Г.В., Кузьминых С.В.* Серный Ключ — памятник абашевской «экспедиции» в горно-лесную зону Среднего Урала // *Российская археология*. 2020. № 1. С. 117–131. <https://doi.org/10.31857/S086960630003392-0>
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Кн. изд-во, 1986. 232 с.
- Горбунов В.С.* Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Башкирский пединститут, 1986. 96 с.
- Евтюхова О.Н.* Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье // *Памятники каменного и бронзового веков Евразии*. М.: Наука, 1964. С. 110–120.
- Екимов Ю.Г.* Протоабашевский керамический комплекс поселения Мельгуново-3: (К вопросу об истоках абашевских древностей) // *Абашевская культурно-историческая общность: Истоки, развитие, наследие*. Материалы междунар. науч. конф. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 2003. С. 198–204.
- Епимахов А.В.* Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // *УИВ*. 2020. № 4 (69). С. 51–60. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-51-60](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-51-60)
- Епимахов А.В., Епимахова М.Г.* Абашевские памятники Южного Зауралья // *Урал-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века*. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. С. 53–65.
- Ивашов М.В., Мельников Е.Н.* Материалы эпохи средней — поздней бронзы Балахнинского поселения на Верхнем Дону // *Археологические памятники бассейна Дона*. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2004. С. 146–162.
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Пантелеева С.Е., Столярчик Э., Булакова Е.А., Солдаткин Н.В., Рассадников А.Ю., Молчанова В.В., Анкушев М.Н., Молчанов И.В., Якимов А.С., Федорова Н.В., Носкевич В.В.* Поселение Коноплянка 2 в Южном Зауралье: Новые аспекты исследования // *УИВ*. 2020. № 4 (69). С. 61–73. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-61-73](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73)
- Корякова Л.Н., Молодин В.И.* Изучение культурной изменчивости в археологии // *Вестник НГУ*. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 82–102.
- Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье: Учеб. пособие к спецкурсу. Самара: Самар. пед. ин-т., 1992. 128 с.
- Кузьмина О.В.* Керамика абашевской культуры // *Вопросы археологии Поволжья*. 1999. Вып. 1. С. 154–205.
- Кузьмина О.В.* Абашевская культура в Самарском Поволжье // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век*. Самара: Изд-во Самар. НЦ РАН, 2000. С. 85–121.
- Кузьмина О.В.* Эрмитажная коллекция абашевской культуры поселения Баланбаш // *Археологические памятники Оренбуржья*. 2011. Вып. 9. С. 92–117.
- Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А.* Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка V // *Вопросы археологии Поволжья*. 2017. Вып. 6. С. 124–276.
- Кузьминых С.В., Мимоход Р.А.* Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.)*. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 39–44.
- Купцова Л.В., Файзуллин И.А.* Родниковое поселение позднего бронзового века в западном Оренбуржье // *Археологические памятники Оренбуржья*. 2012. Вып. 10. С. 70–100.
- Лопатин В.А.* Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX — начало XXI вв.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2013. № 3. С. 100–113.
- Малов Н.М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: По материалам поселений срубной культурно-исторической области // *Археология восточно-европейской степи*. 2007. Вып. 5. С. 34–92.
- Мореунова Н.Л., Порохова О.И.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области // *Поселения срубной общности*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 160–172.
- Мочалов О.Д.* О керамике бронзового века бассейна р. Самары // *Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке*. Самара: СамГПУ, 2003. С. 52–76.

Пантелеева С.Е.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: СамГПУ, 2008. 252 с.

Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбук: Поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 159 с.

Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине // СА. 1961. № 3. С. 137–151.

Пряхин А.Д. О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья // СА. 1975. № 4. С. 154–162.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 170 с.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 168 с.

Пряхин А.Д. Памятники покровского типа на современном этапе изучения // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 62–74.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доново-волжская абашевская культура. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 172 с.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 124–131.

Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. Вып. XXI. С. 52–94.

Сальников К.В. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии // КСИИМК. 1957. Вып. 67. С. 83–88.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита — бронзового века Верхнего Придонья (по результатам раскопок поселения Курино 1) // Археологические памятники лесостепного Придонья. 1996. Вып. 1. С. 30–59.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Шишлина Н.И., Фернандес Р. Радиоуглеродное датирование парных образцов из захоронений кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган — памятник элиты доново-волжской абашевской культуры. Липецк; Воронеж: Полигр. предприятие «Новый взгляд», 2016. С. 53–54.

Pavlu I. Pottery origins. Initial forms, cultural behavior and decorative styles. Praha: Karolinum, 1997. 181 p.

Plog S. Stylistic variation in prehistoric ceramics: Design analysis in the American Southwest. N. Y.: Cambridge University Press, 1980. 160 p.

Rice P.M. Pottery analysis: A sourcebook. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005. 559 p.

Weissner P. Is there a unity to style? // The uses of style in archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 105–112.

Wobst H.M. Stylistic behavior and information exchange // For the director: Research essays in honor of James B. Griffin. Anthropological papers. Museum of Anthropology, University of Michigan. 1977. Vol. 61. P. 317–342.

ИСТОЧНИКИ

Горбунов Ю.В. Металлопроизводственная деятельность племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 20 с.

Panteleeva S.E.

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS
S. Kovalevskoj st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation
E-mail: spanteleyeva@mail.ru

Stylistic variability of the Abashevo ceramics: on the problem statement

The article presents the results of generalization and systematization of available data on household ceramics of the Abashevo cultural-historical community. This cultural formation extended through the forest-steppe zone of the European part of Russia from the Don Region to the Trans-Urals. The obtained radiocarbon dates comprise the period of 2200–1800 cal BC. The study is based on published information about collections of 33 settlements located in different parts of the vast Abashevo area. The following set of features was considered for comparison: tempering materials, methods of surface treatment, shapes of vessels, main ornamental elements and techniques of their application, and key ornamental compositions. As a result of the analysis, the ceramic collections were divided into seven groups, which can be combined into four large stylistic zones for the similarity of ornamental and morphological characteristics: Don-Volga, Trans-Volga, Cis-Urals, and Trans-Urals. The distribution areas of stylistic zones apparently correspond to the areas of residence of the major local groups of the Abashevo population. It is noted, that addressing the issues of chronological correlation of separate districts and the sites within them is impossible without the implementation of a large-scale program of radiocarbon dating. Stylistic variability of the Abashevo pottery was considered within the framework of the information exchange theory of H.M. Wobst. It has been concluded, that the inhabitants of the Cis-Ural settlements, who had the most diverse and expressive ceramic complex, were involved in active interactions with communities of other regions. A need to demonstrate the group identity was reflected in the appearance of pottery made in a specific style characteristic

only for this group. At the same time, external connections initiated diffusion of foreign stylistic features that resulted in increased internal variability of wares. The main reason for the intensive cultural contacts was apparently the specialization of the Cis-Ural communities on metal production. The uniformity and simplicity of pottery from the Don-Volga settlements suggest a high degree of internal integration of the local population, and as a consequence — the absence of necessity for marking the social boundaries between the groups. The external contacts were probably weak, or irregular, and they did not lead to significant changes in the structure of society and diffusion of new stylistic elements. Pottery of the Trans-Ural group appears rather independent, although some of the vessels have specific features of the Abashevo pottery tradition of the western regions. It can be assumed that the Trans-Ural settlements were occupied by a group of people that separated from the main Abashevo massif and advanced beyond the Ural Mountains in search of sources of high-quality ore raw materials. Apparently, these sites are the latest, and they are synchronous to the Sintashta antiquities.

Key words: Bronze Age, Abashevo cultural-historical community, settlements, ceramics.

REFERENCES

- Borzunov, V.A., Stefanov, V.I., Bel'tikova, G.V., Kuz'minykh, S.V. (2020). Serny Klyuch as a site of Abashevo "expedition" to the mountain forest zone of the Middle Urals. *Rossiyskaya arkheologiya*, (1), 117–131. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S086960630003392-0>
- Chernykh, E.N. (1970). *The ancient metallurgy of the Urals and the Volga region*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Ekimov, Iu.G. (2003). Protoabashevo ceramic complex of the settlement of Mel'gunovo-3: (To the question of the origins of the Abashevo antiquities). In: *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': Istoki, razvitie, nasledie: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk, 198–204. (Rus.).
- Epimakhov, A.V. (2020). Radiocarbon arguments for the Abashevo origin of the Sintashta traditions in the Bronze Age. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 51–60. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-51-60](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-51-60)
- Epimakhov, A.V., Epimakhova, M.G. (2006). Abashevo sites of the Southern Trans-Urals. In: *Uralo-Povolzhskaya lesostep' v epokhu bronzovogo veka*. Ufa: Izdatel'stvo Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 53–65. (Rus.).
- Evtiukhova, O.N. (1964). Ceramics of the Abashevo culture in the Middle Volga region. In: *Pamiatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii*. Moscow: Nauka, 110–120. (Rus.).
- Gorbulov, V.S. (1986). *Abashevo culture of the Southern Cis-Urals*. Ufa: Bashkirskii pedagogicheskii institut. (Rus.).
- Ivashov, M.V., Mel'nikov, E.N. (2004). Materials of the Middle — Late Bronze Age of the Balakhninskoe settlement on the Upper Don. In: *Arkheologicheskie pamiatniki basseina Dona: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 146–162. (Rus.).
- Koryakova, L.N., Krause, R., Panteleeva, S.E., Stolarczyk, E., Bulakova, E.A., Soldatkin, N.V., Rassadnikov, A.Iu., Molchanova, V.V., Ankushev, M.N., Molchanov, I.V., Yakimov, A.S., Fedorova, N.V., Noskevich, V.V. (2020). The settlement of Konoplyanka 2 in the Southern Trans-Urals: New aspects of research. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 61–73. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-61-73](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-61-73)
- Koryakova, L.N., Molodin, V.I. (2012). Study of cultural variation in archaeology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 82–102. (Rus.).
- Kuptsova, L.V., Faizullin, I.A. (2012). The Rodnikovoe settlement of the Late Bronze Age in the western Orenburg region. *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia*, (10), 70–100. (Rus.).
- Kuz'mina, O.V. (1992). *Abashevo culture in the forest-steppe Volga-Ural region: A textbook for a special course*. Samara: Samarskii pedagogicheskii institut. (Rus.).
- Kuz'mina, O.V. (1999). Ceramics of the Abashevo culture. *Voprosy arkheologii Povolzh'ia*, (1), 154–205. (Rus.).
- Kuz'mina, O.V. (2000). Abashevo culture in the Samara Volga region. In: *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 85–121. (Rus.).
- Kuz'mina, O.V. (2011). Hermitage collection of the Abashevo culture from the Balanbash settlement. *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia*, (9), 92–117. (Rus.).
- Kuz'mina, O.V., Kolev, Iu.I., Lastovskii, A.A., Turetskii, M.A. (2017). The materials of the Bronze Age from the settlement of Lebyazhinka V. *Voprosy arkheologii Povolzh'ia*, (6), 124–276. (Rus.).
- Kuz'minykh, S.V., Mimokhod, R.A. (2016). Radiocarbon dates of the Pepkinsky burial mound and some questions of the chronology of the Middle Volga Abashevo culture. In: *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.)*. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 39–44. (Rus.).
- Lopatin, V.A. (2013). Pokrovsk-type monuments: historiography key issues (second half of the 20th — early 21st centuries). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (3), 100–113. (Rus.).
- Malov, N.M. (2007). Pokrovskaya culture of the beginning of the Late Bronze Age in the northern regions of the Lower Volga area: Based on materials from the settlements of the Srubnaya cultural-historical province. *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi*, (5), 34–92. (Rus.).

Mochalov, O.D. (2003). About the Bronze Age ceramics of the Samara river basin. In: *Material'naiia kul'tura naseleniia basseina reki Samary v bronzovom veke*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 52–76. (Rus.).

Mochalov, O.D. (2008). *Ceramics of the Bronze Age burial sites in the forest-steppe of the Volga-Ural interfluve*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (Rus.).

Morgunova, N.L., Porokhova, O.I. (1989). Srubnaya culture settlements in the Orenburg region. In: *Poseleniia srubnoi obshchnosti*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 160–172. (Rus.).

Obydenov, M.F., Gorbunov, V.S., Muravkina, L.I., Obydenova, G.T., Garustovich, G.N. (2001). *Tyubyak: The Bronze Age settlement in the Southern Urals*. Ufa: Izdatel'stvo Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (Rus.).

Pavlu, I. (1997). *Pottery origins. Initial forms, cultural behavior and decorative styles*. Praha: Karolinum.

Plog, S. (1980). *Stylistic variation in prehistoric ceramics: Design analysis in the American Southwest*. New York: Cambridge University Press.

Popova, T.B. (1961). The Bronze Age in the Tambov Region. *Sovetskaya arkheologiya*, (3), 137–151. (Rus.).

Pryakhin, A.D. (1975). About the settlements of the Abashevo community in the southwestern regions of the Middle Volga area. *Sovetskaya arkheologiya*, (4), 154–162. (Rus.).

Pryakhin, A.D. (1976). *Settlements of the Abashevo community*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (Rus.).

Pryakhin, A.D. (1977). *Abashevo burial sites*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (Rus.).

Pryakhin, A.D. (2011). The Pokrovsky type sites of the modern period of investigation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, (1), 62–74. (Rus.).

Pryakhin, A.D., Besedin, V.I., Zakharova, E.I., Savrasov, A.S., Safonov, I.E., Svistova, E.B. (2001). *The Abashevo culture of the Don-Volga region*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).

Pryakhin, A.D., Khalikov, A.Kh. (1987). The Abashevo culture. In: *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR*. Moscow: Nauka, 124–131. (Rus.).

Rice, P.M. (2005). *Pottery analysis: A sourcebook*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Sal'nikov, K.V. (1954). The Abashevo culture in the Southern Urals. *Sovetskaya arkheologiya*, (XXI), 52–94. (Rus.).

Sal'nikov, K.V. (1957). New sites of the Abashevo culture in the Southern Bashkiria. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, (67), 83–88. (Rus.).

Sal'nikov, K.V. (1967). *Essays on the ancient history of the Southern Urals*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Shishlina, N.I., Fernandes, R. (2016). Radiocarbon dating of paired samples from the burials of mound 2 of Lipetskii cemetery. In: *Lipetskii kurgan — pamiatnik elity dono-volzhskoi abashevskoi kul'tury*. Lipetsk; Voronezh: Poligraficheskoe predpriyatie "Novyi vzglyad", 53–54. (Rus.).

Siniuk, A.T., Bessudnov, A.N. (1996). New materials for characteristic of the Eneolithic — Bronze Age cultures in the Upper Don region (based on the results of excavations of the settlement of Kurino 1). *Arkheologicheskie pamiatniki lesostepnogo Pridon'ia*, (1), 30–59. (Rus.).

Vasil'ev, I.B., Matveeva, G.I. (1986). *At the origins of the history of the Samara Volga region*. Kuibyshev: Knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Weissner, P. (1990). Is there a unity to style? In: *The uses of style in archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 105–112.

Wobst, H.M. (1977). Stylistic behavior and information exchange. *For the director: Research essays in honor of James B. Griffin. Anthropological papers. Museum of Anthropology, University of Michigan*, (61), 317–342.

Пантелеева С.Е., <https://orcid.org/0000-0002-0816-7900>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.12.2021

Article is published: 21.03.2022